

С.А.Еремина
Уральский университет

**Русские названия посуды:
этимологический статус номинативной единицы
и развитие ее семантики**

Этимология, ставя целью изучение происхождения слова и реконструкцию его первичной формы, предполагает и изучение закономерностей формирования словарного состава языка, определение общих направлений отбора номинативных единиц, закрепления за словом специализированного значения. Это весьма важно при анализе определенных тематических групп лексики, поскольку в рамках подобной группы исходное мотивационное значение слова нередко определяет его дальнейшую судьбу. Однако зачастую история лексической единицы реализуется не в русле ее этимологии, а вопреки ей, и определяющим оказывается факт сохранения / несохранения внутренней формы слова. Решение вопроса о том, насколько значим этимологический статус номинативной единицы для ее истории, является целью данной статьи. Источником материала послужили данные исторических и современных словарей русского языка.

Если представить движение словарного состава языка по лексикографическим источникам, охватывающим XI–XX вв., через судьбу конкретной тематической группы (наименования бытовых емкостей), картина получается следующей: из 179 названий бытовых емкостей, зафиксированных в словаре И.И.Срезневского и Словаре русского языка XI–XVII вв., в лексическую систему современного русского литературного языка вошло 50 (по данным словаря С.И.Ожегова) – 70 (БАС) слов. Из них лишь одна треть – лексемы, сохранившие прозрачную внутреннюю форму. Проиллюстрируем это следующей таблицей:

Реалия	Данные словарей	
	XI–XVII вв.	XX в.
“блюдо”	блюдо веко* ¹ дискос криница паница росольник* солило*	блюдо
“бочка”	барела берт ботарь бочка дълы = дъльв = делва кляга куфа лагун лежка = лежанка* пифарь	бочка фляга лагун
“ведро”	бадя ведро кнея порочка почерпало*	бадя ведро
“горшок”	балакирь братина горнец* корчага криница = кринка латы = латка хитрон	кринка
“кадка”	дежа кадь = кадка	кадь = кадка

¹ Знаком * отмечены слова с прозрачной внутренней формой.

Реалия	Данные словарей	
	XI–XVII вв.	XX в.
	квашня* куфа лакушка лукно ушат*	квашня ушат
“ковш”	братина кубел ковш корка корец наливка* упольник* черпак* почерпало* чум сьполь	братина ковш половник черпак
“корзина”	аскъ = яскъ зобня* каниск корзина короб = крабий кошель кошница крошня кузов лубень* лукошко малакия плетеник*	корзина короб кошница кузов лукошко
“корыто”	корыто ночвы	корыто
“котел”	котел левит медник*	котел

Реалия	Данные словарей	
	XI–XVII вв.	XX в.
“короб”	короб = крабий кошель кошница кузов луб* пошев*	короб кошель кошница кузов
“кувшин”	гълкъ чъбан кнея коморг окринь кувшин кумган проходон рукомойник* съполь стамна шестарь* скобкарь*	жбан кувшин рукомойник
“мешок”	калита кишень кошель лагвица мешок* мошна облаг тоболец тузлук	кошель мешок мошна
“сковорода”	пановъ сковорода тиган	сковорода
“ступа”	иготь престрана ступа*	ступа

Реалия	Данные словарей	
	XI–XVII вв.	XX в.
“сума”	вѣлагалище* дисаг калита мошна пира сума тоболец	мошна сума
“сундук”	короб ларь лубянка рундук скриня = скрыня сундук	короб ларь лубянка сундук
“решето”	грохот* решето* сито* цедило = = цедилка*	грохот решето сито цедилка
“таз”	лохань медяница* таз	лохань таз
“чан”	заторник* извара* куфа макало* перевара* точило* дъщань* = = тъщань = = чан церен = черен	 чан

Реалия	Данные словарей	
	XI–XVII вв.	XX в.
“ящик”	вапница* гвоздяница* досканец* залавок* керста = короста ковчег короб ларь скрина = скрыня сундук ящик	ковчег короб ларь сундук ящик

Отмечая в целом весьма незначительное количество мотивированных слов, подчеркнем, что в большинстве групп лексики, называющей бытовые емкости, именно немотивированные слова сохраняются чаще, чем имеющие прозрачную внутреннюю форму. При этом, несомненно, процесс деэтимологизации продолжается: так, лексемы **мешок**, **решето**, **дыщань**, **сито**, в XI–XVII вв., возможно, еще сохранявшие связь с исходными словами, в современном русском языке такую связь уже утратили. В известной степени это относится и к лексеме **ступа**, уже вряд ли соотносимой с этимоном. Можно говорить о стремлении терминологической лексики к выходу за пределы исходных словообразовательных гнезд, другими словами – о большей устойчивости в номинативной системе именно лексем, прошедших ступень деэтимологизации. Рассмотрим этот процесс на нескольких конкретных примерах.

1. **Горшок** и **горнец**. Обе лексемы восходят к одному и тому же общеславянскому ***gъgъnъ** (Фасмер I, 442, 445), при этом **горшок** является исходно деминутивом от **горнец**, однако именно **горнец** отчетливее сохраняет этимологическую связь с этимоном, и именно эта лексема менее устойчива –

в литературном языке не фиксируется, в то время как **горшок** тяготеет к использованию в качестве номинанта родового понятия (любая глиняная емкость округлой формы, используемая с самыми различными бытовыми целями).

2. **Корчага** и **горлица**. Здесь нет общей этимологической связи, однако тождественна номинативная модель: **горлица** от **горло**, **корчага** – от общеславянского ***kъrkъ** ‘шея’ (ЭССЯ 11, 77; Фасмер II, 341). Лексема **корчага** – более древняя, внутренняя форма ее полностью утрачена, хотя отраженный некогда в слове признак особой формы хорошо ощущается в семантике и ярко представлен в реалии. Именно эта лексема сохранилась в литературном языке, тогда как **горлица** так и не нашло четкой реальной привязки (по данным И.Срезневского, это ‘кружка’, ср. также **горлянка** ‘химический стеклянный сосуд в виде шара с длинной суживающейся шейкой...’, ‘тыква в форме бутылки, используемая для хранения жидкостей’ – САР II, 252–253; **горланчик** и т.п. ‘кувшин без носика и ручки, узкогорлый горшок для молока’ – Даль I, 379; **горлун**, **горлянка** ‘кувшин’ – СРНГ VII, 43). Как видно из приведенного материала, лексемы с внутренней формой “имеющий форму горла” активны в русском языке, однако в устоявшейся системе литературного языка их место прочно занимает слово **кувшин**, не имеющее и не имевшее внутренней формы.

Судьба последнего также показательна. Ср. лексемы **ковш** и **кувшин**. Оба слова являются заимствованиями, причем из одного источника, связанными с одним и тем же корнем: **ковш** связывается с лит. **káušas** ‘уполовник, ковш, большая ложка’, лтш. **kauss** ‘череп, чаша, ложка’ (Фасмер II, 273), а **кувшин** – с лит. ***kaušinas**, производным от **káušas** (Фасмер II, 397), т.е. это такой же деминутив, как **горшок** от **горнец**. **Ковш** фиксируется памятниками письменности с XIV в., **кувшин** – с XVI в. (Срезневский I, 1243, 1356). К моменту вхождения данных слов в русский лексикон в языке существовал достаточно развернутый номинативный ряд для обозначения подобных реалий (см. табл.). Семантика каждого

номинативного варианта достаточно размыта, наиболее значимым является компонент ‘сосуд для наливания воды (жидкости)’, при этом нет особой дифференциации между ковшом и кувшином. В современном русском языке семантика каждого из рассматриваемых слов строго определена: **ковш** ‘широкий округлый сосуд с ручкой для зачерпывания жидкостей’ (БАС V, 1095), **кувшин** ‘высокий сосуд, суживающийся кверху, с ручкой’ (БАС V, 1783). Характерно при этом функциональное направление в детерминации ковша и чисто формальный подход в характеристике кувшина. Данные современных говоров подтверждают разницу направлений в специализации значений некогда близких по семантике и практически тождественных этимологически слов: для ковша при развитии вторичных значений ведущим оказывается функциональный признак, ср. **ковш** ‘разливательная ложка’, ‘совок для выгребания углей’, ‘проволочный сачок для вычерпывания мелкого льда’ и т.п. (исключение составляет лишь **Ковш** ‘Большая Медведица’, где основанием переноса служит форма объекта) (СРНГ XIV, 35); **кувшин** – ‘внутренний цилиндр самовара – топка’, ‘род верши из ивовых прутьев’, ‘остров круглой формы с крутыми берегами’, ‘кувшинка, водяная лилия’, ‘кулак’ и т.п. (СРНГ XV, 390), где определяющим становится перенос по форме. Ср. также номинативные варианты для кувшина – **горлач**, **рыльник** (номинация по форме) и для ковша – **черпак** (номинация по функции). Можно говорить о том, что этимологическое значение слова **кувшин** полностью вытесняется новым, в то время как для слова **ковш** мотивационное значение сохраняется в семантике и остается активным при семантической деривации.

Таким образом, в системно оформившихся группах лексики наиболее жизнеспособными оказываются те слова, в которых мотивационное значение фактически отсутствует, т.е. слова, полностью деэтимологизированные. Прозрачная внутренняя форма не дает возможности слову развивать новые значения: так, слово **горнец**, еще хранящее в своей форме

представление о способе изготовления реалии, ощущается как несвободное в своих семантических связях, в то время как слово **горшок**, оттолкнувшись от своего этимологического “родителя”, развивается свободно и широко пробует себя в различных сферах номинации. Слово **корчага** оказывается номинативно сильнее слова **горлица**, независимо от явного сохранения в семантике в качестве ведущего признака особой “горлоподобной” формы. Заимствованные слова **ковш** и **кувшин** легко распределяют номинативные функции, не отягощенные давлением внутренней формы, вытесняют этимологически прозрачные лексемы типа **черпак**, **горлан**. Ср. также заимствованное **бутылка**, номинативно подавившее собственно русское **горлянка**.